

Люде Тихомировой двадцать четыре года. Когда она идет по нашему поселку — не то что молодые, но и пожилые мужчины долго смотрят ей вслед и прицокивают языками: так ладно скроена ее фигура.

У Люды Тихомировой серые внимательные глаза, свои темно-русые волосы она разделяет тонюсенькой дорожкой и заплетает в толстую, ниже спины по длине, косу. Нос у нее прямой, губы по-детски пухленькие, щеки на кругловидном лице румяные, свежие. Косметики почти не заметно. Обыкновенная русская красавица.

Мужчинам, когда они засматриваются на Люду, совсем не мешает ее четырехлетний сынишка Ванька — этакий крепышок, которого она ведет за собой как продолжение своей красоты. Правда, к этой красоте примешана еще одна — неповторимая, отцовская, и поэтому Ванька будто сошел с плаката о пользе детского питания. Свободная рука Люды летает в пространстве какой-то неземной белой птицей, а правой она крепко держит за пухлую ручонку Ваньку.

Люда и Ванька приехали к нам из Донецка. Жилье снимают у еще не очень пожилых жителей нашего поселка. Хозяин сдал ей небольшой домик недавно умершей тещи.

Люда и Ванька — беженцы. Хотя если правильно, так они эмигранты, ведь бежали-то в Россию из другого государства. Но как я, русский, могу назвать эмигрантами русских же? В их отпочковавшейся при Ельцине стране теперь идет война. Называют ее гражданской. Но все мы понимаем — как бы война не называлась, она несет с собою смерть.

Спасая семью от смерти, и отправил Люду и Ваньку в Россию Мишка Тихомиров. Их отправил, а сам остался в Донецке: воюет с киевскими властями.

Жуть какая-то, которая недавно в страшном сне присниться не могла, стала явью, от которой — ну никуда! Ведь это с киевской подачи прилетел на окраину Донецка снаряд и развалил напрочь дом, три года назад построенный соседом — таким же молодым, работающим Витькой Степановым. Вот и отправили они в Россию свои семьи. Правда, Витька — к российским родственникам, а Мишка — в белый свет. И хоть и уехали Люда с Ванькой почти в том, в чем стояли, да ничего: в поселке их встретили хорошо.

Дня три-четыре они с Ванькой только ходили да оглядывались. Грустно было, чужие все кругом. Потом оказалось, что не такие уж и чужие. Стали к ним захаживать соседи. Приносили, кто что. Вот эту банку квашеной капусты да еще два вилка в придачу принес дед Иван Конопляников, что живет напротив.

— На, детка, небось у тебя в этом году капуста неудачная, так вот Ирина Петровна моя вам с мальцом и передала...

Картошки нанесли ведер десять. На всю зиму хватит, да и на посадку что-то останется. Плакала Люда долго. Вспоминала, как они с Мишкой первый раз свою картошку вырастили и урожаем собрали. Ох и тяжело ей было. Только в подвал перетаскали — тут у нее и схватки начались. Теперь вот Ванька, Картофельный король, бегаёт. Вон уже какой! Да что ж они с Мишкой на своем огороде этих овощей не вырастили бы? Нет. Война. Гражданская. Свои в своих стреляют. И кончится когда — неизвестно.

Или вот для Ванечки одежек всяких понанесли, да и для нее. Что они с Мишкой — криворукие? Что, Мишка на тряпки Люде не зарабатывал? Да сколько угодно! Но теперь ему воевать надо. Сказал: «Как с этой сволочью разберемся, так и жизнь у нас пойдет совсем другая». Вспоминала эти слова Люда и опять долго плакала. А Ванька, смешной, утешает, говорит: «Не плачь, мама, папка им чертей накидает!.. Так дедушка Иван говорил».

Господи, за что ж эта красавица со своим дитем страдает? За что мучается? Такая ли у нее сейчас жизнь должна быть с мужем, с ребенком? Объяснение одно — война у них. Гражданская. Страшная...

А сегодня пришла к Люде пожилая женщина с дальнего конца улицы:

— Маргаритой Семеновной меня зовут, дочка. Слыхала, тяжело тебе с парнишкой. Работы, говорят, у тебя пока нет. Ну ничего, ничего, все образумится, и работа найдется. Ты, говорят, воспитателем в детском саде работала?..

— Работала, — кивает головой Люда, — после училища...

— Ну и будешь работать, даст бог... А пока возьми, я вот тебе полведерка картошки принесла. У нас хорошая — «красная шапочка» называется...

— Ой, спасибо, нам с Ванюшкой картошки уже на две зимы хватит...

— Бери, бери... Не стесняйся... Все пригодится... Ты уж мне поверь... Мы сами это пережили... Сейчас-то ничего, а как только с Казахстана переехали — помыкались. Нас, правда, Назарбаев без войны выгнал... Чужая кровь, а без войны... А на вас свои с ружьями... Э-эх!.. Да и не свои они теперь, уж видно... Картошку куда сыпать?..

— Ой, да... — пытается отказаться Люда.

— Бери, бери, — высыпает картошку прямо на пол Маргарита Семеновна, — вот мы-то вам с парнишкой уж точно свои... Точно...

— Маргарита Семеновна, — вдруг всхлипывает Люда и закрывает свое красивое даже в слезах лицо, — я за мужа, за Мишку моего боюсь... Он у меня такой заводной...

— Молчи, молчи... Хорошего ему желай — только хорошего!.. Так ничего с ним и не случится... За сынишкой получше смотри — береги... Вон он у тебя славный какой... Славный...

ЖАЛЕВАННЫЕ ДЕТКИ

Василий Арсентьевич плакал навзрыд, как мальчишка. Старик был закаленным рыбаком, любимцем всего села, потому что славился своей добротой и веселым нравом. Сегодня ему было не до шуток. Его друг и одноклассник Сергей Карпович никак не мог остановить его слезы и лишь похлопывал по плечу:

— Ладно, Вась. Ну что ты с ними сделаешь — такая нынче молодежь. Такие вот народились.

Но обида давила Василия Арсентьевича, слезы текли по морщинистому лицу, и никак он успокоиться не мог.

Вчера вечером под любимой вербочкой он сидел на привычном рыбацьем месте. Было оно хорошо прикормленным, и рыбы клевали прямо одна за одной, радуя душу рыбака.

Метрах в тридцати от него на бережке пруда веселилась молодежь. Были там, судя по всему, и парни, и девушки, но до ушей Василия Арсентьевича долетал такой черный мат, что душа рыбака просто ныла и переворачивалась. Изрыгали его и парни, и девушки, что особенно казалось Василию Арсентьевичу противоестественным. Он долго терпел это безобразие, наконец бросил удочки и решительно направился к костру.

— Че, дед, не спится? — спросила его тень из-за костра, — иди гуляй, тут у нас своя компания.

— Да я в вашу компанию и не хочу. Уж слишком вы тут матюгаетесь. И девки, слышу, не отстают. Вы, ребята, потише, а то мне, пожилому человеку, неловко вас слушать.

— Жаба, глянь, деду жарко! Ты его остуди! — снова подала голос тень из-за костра, и Василий Арсентьевич сразу ощутил на себе холодный душ. Кто-то сзади вылил на него не меньше ведра холодной воды.

Старик остолбенел и онемел.

— Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! — гнусно пролилось у костра, — ну что, остыл? Дуй отсюда, пока цел! — И кто-то больно ударил его пинком пониже спины.

Как старик оказался дома, как он утром прибежал к другу своему — он не помнил.

— Кто же, кто же их воспитывал, Сереж? Как же так! Разве можно так, Сереж? Где же мы так проворонили-то их, а?

У Сергея Карповича на эти вопросы ответов не было. Не было их и у Василия Арсентьевича. Мало-помалу он стал успокаиваться, потом горестно вздохнул.

— Сергей, а помнишь мою бабушку Нюру?

— А что ж не помнить, отличная женщина была, Царство ей Небесное.

— Да я о том, как раньше старших уважали. Помнишь, мой дядька Микола с войны пришел. Герой, орден Красной Звезды, два ордена Славы, медалей — вся грудь увешена. Меня бабушка Нюра тогда воспитывала. Война-то меня сиротой сделала. У дядьки уже трое детей было. Поссорился он с женой: что там случилось, мне неизвестно, но видел я, как он жену, тетю Люду, ударил, хлестко так. И бабушка Нюра это видела. Слышу: «Микола, сынок, а ну подь сюда». Дядька вздрогнул, но прошел в горницу. Только на лавку сел, а она к нему как подлетает: «Ты на кого, сукин сын, руку поднимаешь? На матерю детей своих? Кого обижаешь? Она тут, в оккупации, в три дуги гнулась — недоедала, недосыпала, чтоб твои пацаны живые остались. А ты лапищи свои расшиперил. Что, силы некуда девать?!» — а сама его мокрой тряпкой бьет, не разбирая куда, — только награды брякают! А он, представляешь, мужичага ж здоровый, войну прошел, медалей этих... а сидит, голову нагнул — и ни слова: только сопит. Так до самой смерти потом тетю Любу пальцем не тронул.

А мы своих деток жалели. И эти вот, вчерашние, — жалеванные, видно, выросли. А дальше что? Дальше что будет?..

МУМУ И МУМА

Электрику с колхозной репродукторной фермы по производству порсят Лешке Береговому кто-то подкинул во двор щенков. Их было шестеро. Смотреть на них было жалко, как и на всяких маленьких сирот. Лешка задергался, мол, что за народ, что за скотина эдакая ему такую подлость учинила? Но приговор, однако, щенкам подписал.

— Дай мешок, Елена, — сказал он жене. — Пойду утоплю их в речке, пока детвора не видела.

Лешка налил в миску молока и, когда щенки начали дружно лакать, быстро похватал их и покидал в мешок.

Дома его не было минут сорок, а когда возвратился, все шестеро щенков прибежали за ним во двор и сразу кинулись к миске с молоком.

— Что? — удивилась жена.

— Да знаешь, Лен, жалко их. Не стал грех на душу брать, — грустно сказал Лешка.

— Эх ты, Муму! — взвилась заводная Елена. — Кидай в мешок! Сама потоплю, раз мужиков в доме нет!

Лешка повиновался и снова покидал бедных щенков в мешок. Елена выхватила его из рук супруга, кинула на плечо и скрылась за калиткой.

Лешка ждал жену около часа. Уже стал подумывать, не случилось ли чего с ней там на Сарме — речка это их. Но калитка открылась, и в ней появилась Елена. Она была мокрая с головы до ног. Мокрым был и мешок, из которого она вытряхнула тоже мокрых, но живых щенков.

Щенки смешно стряхивали с себя воду и тут же устремлялись к миске с молоком.

— Ну что ты на меня вылупился? — сердито спросила она у ошарашенного мужа. — Молока им подлей да хлебца раскроши.

— Ты... Ты что, плавала? — удивленно смотрел на жену Лешка.

— И ты бы пла-а-ва-ал! — вдруг запричитала Елена. — Я их в воду как кинула, а они как заго-о-ло-сю-ют!..

Елена закрыла лицо руками и побежала в дом.

— Во-во! — хохотнул вслед ей Лешка, — я у тебя Муму. А ты тогда Мума, да еще и без ума. Кто ж в такую пору в речку прыгает?

На дворе стояла последняя неделя августа. Солнце еще пригревало, но купальный сезон давно закончился.

В первой половине теплого солнечного сентября всех щенков Береговые уже пристроили в хорошие руки.

